

Василий Авсеенко

Петербургский день

Петербургские очерки

Василий Авсеенко

Петербургский день

«Public Domain»

1900

Авсеенко В. Г.

Петербургский день / В. Г. Авсеенко — «Public Domain»,
1900 — (Петербургские очерки)

«Иванъ Александровичъ Воловановъ проснулся, какъ всегда, въ половинѣ десятаго. Онъ потянулся, зѣвнулъ, провелъ пальцемъ по рѣсницамъ, и ткнулъ въ пуговку электрическаго звонка. Явился лакей, съ длиннымъ люстриновымъ фартукомъ на заграничный манеръ, и сперва положилъ на столикъ подлѣ кровати утреннюю почту, потомъ отогнулъ занавѣси и поднялъ шторы. Мутный осенній свѣтъ лѣниво, словно нехотя, вобрался въ комнату и поползъ по стѣнамъ, но никакъ не могъ добраться до угловъ, и оставилъ половину предметовъ въ потемкахъ...»Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Василий Григорьевич Авсеенко

Петербургский день

I

Иванъ Александровичъ Воловановъ проснулся, какъ всегда, въ половинѣ десятаго. Онъ потянулся, зѣвнулъ, провель пальцемъ по рѣсницамъ, и ткнулъ въ пуговку электрическаго звонка.

Явился лакей, съ длиннымъ люстриновымъ фартукомъ на заграничный манеръ, и сперва положилъ на столикъ подлѣ кровати утреннюю почту, потомъ отогнулъ занавѣси и поднялъ шторы. Мутный осенній свѣтъ лѣниво, словно нехотя, вобрался въ комнату и поползъ по стѣнамъ, но никакъ не могъ добраться до угловъ, и оставилъ половину предметовъ въ потемкахъ.

– Какая погода? – спросилъ Иванъ Александровичъ.

– Погода ничего.

– Что ты врешь? Почему-же такъ темно?

– На улицѣ темно: время такое. Въ это время всегда темно.

– Еще, пожалуй, дождь идетъ?

– Идетъ. Мокро до чрезвычайности.

– Вотъ дуракъ! Какъ-же ты говоришь – ничего?

– Какъ угодно-съ. Откуда теперь быть погодѣ? Ни лѣто, ни зима. Обыкновенно – слизь.

– Ужасно ты глупъ, Матвѣй. Сколько градусовъ?

Матвѣй долго стоитъ у окна передъ термометромъ, подымаетъ и опускаетъ толстыя складки на лбу, моргаетъ и что-то считаетъ шопотомъ.

– Ну?

– Три градуса холоду.

– Эге! Морозить! Вотъ славно.

– Никакъ нѣтъ-съ, морозу нѣтъ.

– Какъ нѣтъ? Ты-же сказалъ – три градуса холоду.

– Градусникъ показываетъ. Только не морозить, слизь.

– Такъ значитъ тепла три градуса.

Матвѣй усмѣхается, отчего огромные, мрачные усы его поднимаются кверху и быстро опускаются.

– Ничего не тепло, помилуйте, – возражаетъ онъ какъ нельзя проще.

Затѣмъ онъ беретъ съ туалетнаго столика ручное зеркальце и молча держитъ его передъ бариномъ.

– Что тебѣ?

– Глядѣться будете.

Иванъ Александровичъ протягиваетъ руку и беретъ зеркальце.

«Глупъ этотъ Матвѣй до невозможности, но вотъ тѣмъ хорошъ, что всѣ мои привычки наизусть знаетъ», говоритъ про себя Иванъ Александровичъ, и начинаетъ осматривать себя въ зеркало. Это продолжается, впрочемъ, недолго. Онъ отдаетъ зеркало и протягиваетъ руку къ письмамъ. Преобладаютъ печатные циркуляры.

«Милостивый государь. Расширивъ свои обороты и занявъ новое помѣщеніе, соответствующее постоянно возрастающему числу нашихъ кліентовъ...» Подписано: Готлибъ Пипъ, монументный мастеръ.

«Милостив... государ... Пользуясь постоянным вашим вниманием и вступивъ въ сношеніе съ лучшими заграничными домами...» Подписано: Джонъ Смитъ, специальность мельничные жернова.

«Милостивая государыня. Только что получивъ изъ лучшихъ парижскихъ домовъ громадный выборъ моделей осеннихъ жакетовъ, манто, конфекціонъ и пр.»

– Чортъ знаетъ что такое! Это должно быть вовсе не ко мнѣ! – восклицаетъ Иванъ Александровичъ, и осматриваетъ конвертъ. На немъ значится: Луизѣ Андреевнѣ Фрауэнмилхъ. – Вѣчно ты путаешь: пакетъ какой-то Луизѣ Андреевнѣ адресованъ, а ты мнѣ подаешь!

Матвѣй беретъ конвертъ, долго разсматриваетъ его, и ухмыляется.

– Это въ седьмомъ номерѣ. Изъ мамзелей будетъ.

– Что? Изъ какихъ мамзелей?

– Луиза Андреевна. Надъ нами живетъ.

– Хорошенькая?

– Какъ слѣдуетъ. Хряская только изъ себя очень.

– Дурацкія выраженія у тебя какія-то: хряская! Развѣ есть такое слово?

– Стало быть есть. Не я выдумалъ.

– Нѣмка какая-нибудь. Не люблю я нѣмокъ.

– Что въ нихъ, въ нѣмкахъ.

– Однако, ты зачѣмъ-же мнѣ чужія письма подаешь? Снеси къ ней, объяснись, скажи, что баринъ извиняется.

– Швейцаръ перепуталъ, я ему отдамъ. Какія еще извиненія.

Иванъ Александровичъ взялъ между тѣмъ другой конвертикъ, вскрылъ и вытащилъ розовый листокъ, исписанный плохимъ женскимъ почеркомъ. Привычный взглядъ его быстро, въ разбивку, пробѣжалъ по строчкамъ.

«Вы всегда были такой милый... не обращаюсь ни къ кому другому кромѣ васъ... маленькое денежное затрудненіе... рассчитываю, что вы выручите... жду сегодня-же...».

– Замѣчательно, какъ женщины не умѣютъ вести переписки; всегда у нихъ одно и то же... проворчалъ Иванъ Александровичъ, и бросивъ розовый листокъ на коверъ, потянулъ со столика газету.

Но онъ тотчасъ замѣтилъ, что это вовсе не его газета.

– Что за новости? Ты и газету мнѣ какую-то чужую подсунулъ? – крикнулъ онъ на слугу.

Тотъ посмотрѣлъ, пошевелилъ толстыми складками на лбу и пожалъ плечами.

– Опять швейцаръ перепуталъ. Удивительно даже!

– А самъ-то ты чего глядѣлъ? Сейчасъ иди, перемѣни.

Матвѣй унесъ газету. Иванъ Александровичъ поднялся съ постели и занялся своимъ туалетомъ. Плескаясь и отфыркиваясь, онъ не безъ недоумѣнія замѣчалъ, что до обонянія его достигаетъ какой-то весьма пріятный, свѣжій запахъ. Совершенно какъ на дачѣ, когда въ открытое окно потянетъ вѣтеркомъ съ цвѣточныхъ клумбъ. «Навѣрное этотъ нелѣпый Матвѣй духи пролилъ», подумалъ Иванъ Александровичъ.

– Ты что это надѣлалъ? Отчего это духами пахнетъ? – обратился онъ къ слугѣ, какъ только тотъ возвратился съ газетой.

Матвѣй потянулъ носомъ и повелъ усами.

– Пукетъ изъ себя пускаетъ, – отвѣтилъ онъ.

– Что такое? Букетъ? Какой букетъ? – взволновался Иванъ Александровичъ.

– Хорошій пукетъ. Вамъ прислали.

– Кто прислалъ? Когда?

– Давно прислали. Вы еще почивали.

– Болванъ! Отчего-же ты не сказалъ раньше? Гдѣ онъ?

– Что-жъ говорить, когда вы лежали. Я въ кабинетъ на каминъ поставилъ.

– А каминъ топится?

– Давно ужъ топится.

– Вотъ осель! вѣдь цвѣты пропадутъ отъ топки.

– Где жъ имъ цѣлымъ быть.

– Нѣтъ, ты меня съ ума сведешь! простоналъ Иванъ Александровичъ, и бросился въ кабинетъ.

На потухающемъ каминѣ красовался великолепный букетъ изъ темныхъ и бѣлыхъ розъ. Но самые крупные лепестки уже совсѣмъ сморщились, и нѣкоторыя головки склонились внизъ.

– Болванъ! негодяй! неистовствовала Иванъ Александровичъ. – Такой букетъ, и сразу погубить!

Но Матвѣй, очевидно, не соглашался признать свою вину.

– Съ этими пукетами завсегда такъ, – твердилъ онъ. – Вѣдь они, мошенники, на проволоку ихъ сажаютъ. Вотъ ежели-бы съ горшкомъ...

– Кто принесъ? Отъ кого? – спросилъ Воловановъ.

– Швейцаръ принесъ.

– Да отъ кого? Кто прислалъ?

– Посыльный принесъ.

– Отъ кого, я тебя спрашиваю! – крикнулъ Иванъ Александровичъ такимъ дикимъ голосомъ, что Матвѣй даже оторопѣлъ.

– Отъ неизвѣстной личности, – пробормоталъ онъ сквозь усы.

Лицо Ивана Александровича начало понемногу проясняться. Онъ бережно перенесъ букетъ на письменный столъ, сѣлъ въ кресло, запахнулъ полы халата, и съ наслажденіемъ втянулъ въ себя душистый запахъ. На губахъ его появилось нечто вродѣ улыбки.

– Ни записки, ни карточки, ничего не было? – спросилъ онъ.

– Откуда имъ быть! – отозвался, снова ободряясь, Матвѣй.

– Какъ ты по-дурацки отвѣчаешь, – снисходительно замѣтилъ Иванъ Александровичъ. – Чтожъ, посыльный такъ и сказалъ: не приказано, молъ, говорить, отъ кого прислано?

– Будетъ онъ, тоже, разговаривать!

Матвѣй удалился, и черезъ минуту подаль чай и филипповскій калачъ. Иванъ Александровичъ продолжалъ задумчиво улыбаться. Эта улыбка все расцвѣтала подъ его пушистыми усами, разливалась по всѣмъ чертамъ лица.

«Отъ кого бы, однако, этотъ букетъ? – думалъ онъ. – Чрезвычайно, чрезвычайно мило. Такого вниманія нельзя не оцѣнить. Но кто такая? Безъ сомнѣнія молоденькая, хорошенькая женщина; некрасивая не рѣшилась бы. Навѣрное препикантная особа. И какая таинственность... О, женщины умѣютъ. Она, очевидно, рассчитываетъ на мою проницательность. И она не ошибается. Я ее знаю, эту прелестную незнакомку. Знаю, знаю... (Улыбка Ивана Александровича сообщилась его глазамъ, и они приняли чрезвычайно плутовское выраженіе). Это Вѣра Михайловна, жена нашего директора. Она имѣетъ непрístupный видъ, но насъ этимъ не проведешь. Нѣтъ, не проведешь! Ея мужъ – человѣкъ государственнаго ума, но онъ вдвое старше ея; и притомъ, у него уши и губы оттопыриваются. Она, она, больше некому».

Иванъ Александровичъ вскочилъ и прошелся нѣсколько разъ по кабинету, потомъ щелкнулъ пальцами.

– Я долженъ написать ей нѣсколько строкъ, поблагодарить ее, показать, что я понялъ. Написать тонко, умно, остроумно; это у меня выходитъ – рѣшилъ Иванъ Александровичъ, и присѣвъ снова къ столу, раскрылъ бюваръ.

Нѣсколько строкъ потребовали, однако, добраго часа времени и почти цѣлой коробки бумаги. Наконецъ записка была сочинена. Воловановъ позвалъ Матвѣя и приказалъ сбѣгать за посыльнымъ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.